

Из Сухого Карсуна тянутся на ярмарку в Языково груженные горшками подводы. В них впряжены не лошади – коровы: путь трудный, торговля долгая, а тут тебе и молоко, и подушка, и печка под боком – родное bestолковое животное.

Василий-гончар подгоняет свою Ночку, а она идет не спеша, гордая бестия. Понукать ее нельзя – такой гонор выдаст, что белый свет проклянешь и через двое суток не доберешься до места.

Василий выезжает на ярмарку загодя: хочет место в гончарных рядах повыгоднее занять. Погода ясная, теплый ветер и нежное солнце присушивают весеннюю распутицу.

На плече у Василия новые сапоги на связке: босые ноги – дело привычное, а сапоги надо приберечь к праздничной ярмарке, чтоб было, в чем шеголять.

От Сухого до Языкова напрямки верст 50 будет. Ночка характер не выказывает, идет ровно. Незаметно пройдено полдороги, потом еще четверть, как вдруг, как пуля, пробивает голову мысль: что-то не так! А что не так – не понятно. Тревога железными клещами сжимает сердце – Василий ни вздохнуть, ни выдохнуть не может. Так было, когда в позапрошлом году шли на ярмарку в жуткую распутицу. Ни коровы, ни люди не могли удержаться в вязкой грязи, и, поскользнувшись, уставшая Ночка повалилась на бок, а Василий, вместо того, чтобы держать подводу, потянулся за ней... Очнулся гончар не скоро. Над ним стояли испуганные мужики. Колесо от телеги валялось в стороне, а вокруг лежали битые черепки – шесть сотен горшков, труд долгих зимних ночей, добытая из мерзлой земли глина, которую часы, дни, месяцы месили крючковатые от натуги пальцы Василия. Все – прах...

Вот когда впервые почувствовал Василий резкую боль в груди, будто кто-то вонзил в него нож и вертел им, нанизывая сердце на лезвие. О горшках жалел позже, когда отлеживался дома, а там, на обочине дороги, в грязи, смотрел на небо и думал, что Бог зовет его на покой. Да нет – оклемался.

А что сегодня? Какой еще сюрприз приготовила судьба? Ах, да, сапоги – где они? Нет новых сапог!

Василий соскакивает с подводы и пытается остановить Ночку, она сердится, бодается, не слушается хозяина: еще чего, назад!.. «Поворачивай, ну же! Не видишь, дело дрянь.

С Ночкой на ярмарку

Правдивая история
о своенравных
кормилицах,
ездовых коровах

Нет сапог!» И снова – сердце. Гончар перехватывает руками грудь и замирает на месте, сомкнув ресницы: одно движение – и, кажется, сердце разорвется на части, разлетится на кусочки. Проходит минуты три, а, может, и пять, и вдруг Василий чувствует ласковое прикосновение коровьей морды к щеке.

Сапоги нашел, а вот на ярмарку припозднился. Место досталось не людное, и продать в первый день ничего не удалось. Вечером, когда расположились за селом на ночлег, Василий позволил себе расслабиться: выпил кружку самогонки, и сердце разомлело, успокоилось, на душе потеплело. Угощал его сосед Иван – ему нынче весь день фартило, но и он к ночи притомился и теперь уговаривал свою корову прилечь на землю, чтобы пристроиться на ночлег к ее теплому животу. Жданка на его уговоры не реагировала, а когда Иван с силой пихнул ее рукой в морду, она резко повернулась к нему задом и ударила хвостом по лицу.

– Вот тварь! Ну, никакого уважения к хозяину! Не любит, скотина, когда я употреблю во здравие! – пояснял Иван смеющимся мужикам. – Чтоб тебя шлепни заели... И пить у меня завтра – ни-ни... Вот так-то! – запугивал он корову, но она выказывала только презрение.

Пьяненький Иван давно уже спал, а Жданка и не думала ложиться. Она понуро стояла, опустив морду и поглядывала искоса на хозяина. «Му!» – выкрикивала коротко, продолжая дуться.

А Василий лежал в обнимку со своей Ночкой и шептал ей ласковые слова: «Не хотела возвращаться, не верила, что найдутся сапоги, а они нас целехонькие поджидали. Эх ты, дуреха... Завтра тебе моченых яблочек куплю, а там, глядишь, скоро наши поспеют. Любишь белый налив, Ночка?»

Корова не отвечала, она только фыркала во сне и устало дышала.

Дядя Вася умер внезапно. Врач говорил, что сердце его изнашивалось, как ветхая тряпочка. Гончарное дело – не легкое. Много здоровья забрала ярмарка, вернее, доставка горшков по бездорожью. Короток век гончаров.

Нина Григорьева

фото А. Храмова, В. Никитина